ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Мухаметгалиева Дениса Маратовича
на тему: «ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ НА ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА»
по специальности 5.1.3 – «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Работа Мухаметгалиева Дениса Маратовича, несомненно, выполнена на актуальную тему. Современная зарубежная наука гражданского права активно обсуждает проблему так называемой «интервенции» третьего лица в чужие договорные отношения, результатом которой является разрыв договорной связи, нарушение договорного обязательства. Отечественная юридическая доктрина понимает обязательство как относительное правоотношение, связывающее должника и кредитора правами и обязанностями, не рассматривает интервента и его поведение как юридически значимое при характеристике нарушения договорного обязательства. Такой подход имеет давние традиции в отечественном гражданском праве. Вместе с тем в отечественной правоприменительной практике имеется несколько активно обсуждаемых случаев, когда суды, отходя от принципа относительности обязательства, возложили негативные имущественные последствия, вызванные неисполнением обязательства в связи с поведением лица, не являющегося стороной обязательства, на лицо, поведение которого повлекло такое нарушение обязательства. Теоретических оснований для такого возложения ответственности за негативные последствия на интервента наука отечественного гражданского права не содержит. Использование судами отсутствующего в законодательстве и неразработанного в юридической науке инструмента создает правовые риски для сторон договорного обязательства, а также для общества в целом, лишает право его основополагающего свойства - определённости. В связи с этим существует насущная необходимость на теоретическом уровне осмыслить, насколько допустимым является возложение на интервента ответственности за вмешательство в чужие договорные отношения, если такое возложение является возможным, то следует выявить, когда это возможно и где пределы относительности гражданско-правового обязательства.

Работа состоит из двух глав. Первая глава «Общая характеристика третьего лица в обязательстве» (стр. 15-51) посвящена истории становления юридической доктрины по вопросу сущности третьего лица, в работе рассмотрены основные доктринальные подходы, объясняющие сущность третьего лица в обязательстве. Весьма интересным является обзор развития

представлений о третьем лице в зарубежной юридической науке (стр. 20-29). На основе проведенного исследования соискатель приходит к выводу о том, что развитие представления о третьем лице в обязательстве основывается на отрицании прав третьих лиц в чужом обязательстве в силу римской правовой максимы alteri stipulari nemo potest, которая устанавливала невозможность стипуляции в пользу третьего лица, поскольку промиссар в таком случае не имел должного интереса в обязательстве. Аналогичное отрицание прав третьих лиц в чужих договорах (privity of the contract) прослеживалось и в английском правопорядке. Развитие новых интерпретаций римского принципа с целью предоставления возможности третьему лицу приобретать право требования к должнику в судебной практике (на примере рассуждений английских судей) и доктрине (на примере развития научной мысли в Германии). Закрепление договорной конструкции в пользу третьего лица, которая позволяет последним приобретать право требования к должнику.

Следует отметить интересные с теоретической и практической точек зрения рассуждения автора относительно соотношения понятий «третье лицо» и «иные», «другие лица». Как справедливо отмечает автор, верная интерпретация п. 3 ст. 308 ГК РФ имеет важное доктринальное значение. Положения статьи провозглашают гражданско-правовой принцип относительности обязательства, который подразумевает возникновение прав и обязанностей только для сторон обязательства, оставляя всех иных лиц за пределами возникающего обязательственного правоотношения, если иное не установлено законом или договором (стр. 33). Автор приходит к выводу о том, что третье лицо – это субъект, который соответствует одновременно трем критериям: а) имеет собственный интерес в чужом договорном обязательстве, б) совершает юридически значимые действия по его удовлетворению, в) не является стороной обязательства. В отличие от третьих лиц, иные (другие) лица не имеют интереса в договорном обязательстве или несмотря на его наличие, не совершают действий по его реализации (стр. 11-12, 44). В диссертации автор разграничивает интересы, которые может иметь третье лицо на охраняемые и неохраняемые (стр. 42-43). Это позволило автору построить собственную систему классификации форм влияния третьего лица на чужое обязательство, выделяя позитивную и негативную формы (стр. 47, 48). Такой подход ранее не использовался в юридической доктрине, и позволяет характеризовать авторский подход в качестве нового. Автор весьма подробно обосновывает свою позицию, приводит ссылки на юридическую доктрину, законодательство и судебную практику.

Во второй главе «Формы влияния третьего лица на договорные обязательства» автор последовательно рассматривает правовые возможности влияния третьих лиц на договорное обязательство. Много внимания соискатель уделяет теоретическим основам принципа относительности обязательства, при этом отмечая, что при всей его важности, он не может восприниматься безусловно (стр. 52). Автор исследует договор в пользу третьего лица и приходит к выводу о том, что договорная конструкция предполагает наличие трех взаимосвязанных правоотношений, исполнение по которым в отдельных случаях способно оказывать воздействие на динамику каждого из них. Соискатель отмечает, что в рассматриваемой договорной конструкции третье лицо выступает непосредственно в отношениях исполнения и валюты. Для того, чтобы определить значение влияния третьего лица на отношения покрытия между кредитором и должником следует определить: а) правовую природу требования третьего лица к должнику (отношения исполнения); б) соотношение прав требования кредитора и третьего лица (отношения валюты) (стр. 55). Можно согласиться с выводом соискателя о том, что субъективное право третьего лица, которое выражается в требовании исполнения предмета обязательства должником, возникает при наличии совокупности юридических фактов: 1) заключение договора в пользу третьего лица; 2) волеизъявление третьего лица на принятие исполнения. Субъективное право образуется лишь при одновременном возникновении вышеуказанных фактов.

Исходя из вышеизложенного соискатель делает вывод, что право третьего лица требовать исполнения от должника не является безусловным, поскольку перед этим требуется своего рода «трансформация» обязательственного правоотношения, которая запускается путем отдельного волеизъявления третьего лица. После совершения волеизъявления третьим лицом изначальные правоотношения между кредитором и должником претерпевают изменения: обязательственная связь возникает между третьим лицом (новым кредитором) и должником (стр. 58-59).

В диссертации специально исследованы проблемы, связанные с исполнением обязательства третьим лицом и принятием исполнения, предложенного третьим лицом (стр. 63 и далее). Можно согласиться с утверждением соискателя о том, что условия перехода права требования от кредитора к третьему лицу в результате исполнения последним обязательства вместо должника создают возможности для злоупотребления правом третьими лицами. На практике исполнение обязательства третьим лицами может осуществляться не для погашения долга, а в целях, например,

как деликт. В российском праве в силу принципа относительности обязательства, кредитор не вправе привлекать к ответственности за противоправное вмешательство в чужое договорное обязательство третье лицо, поскольку договорную ответственность несет должник. Автор обнаруживает предпосылки в российском праве для признания действий третьих лиц, которые направлены на изменение динамики договорного обязательства, в качестве противоправных, в том числе в качестве деликта: а) любые действия третьего лица, в основе которых лежит неохраняемый (неправомерный) интерес в чужих договорных отношениях и которые направлены на изменение договорного обязательства, является нарушением гражданско-правового принципа невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ); б) действия третьего лица, направленные на изменение или прекращение чужого договорного обязательства, причиняют вред праву требования кредитора, что подтверждается в российской судебной практике в области банкротства; в) действия третьих лиц, направленные на получение материального блага, причитающегося кредитору, в результате сговора с должником являются проявлением недобросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ), что также демонстрируется в отдельных делах Верховного суда РФ; г) развитие института субсидиарной ответственности в банкротстве, где действия контролирующих должника лиц, по сути, третьих лиц причиняют ущерб не только должнику, но и его кредиторам, лишая разумных ожиданий на получение причитающегося исполнения (стр. 167-168).

При подготовке работы автор исследовал 266 источников, включая 210 источников литературы, в том числе иностранной литературы на немецком, английском и французском языках. Это позволило ему подготовить работу на высоком теоретическом уровне, выводы соискателя обоснованы и аргументированы, сравниваются с уже достигнутыми научными результатами. В диссертации автор приводит примеры, причем как основанные на российской судебной практике, так и на зарубежном опыте.

Несмотря на общее положительное впечатление о работе, отдельные выводы представляются дискуссионными. В частности, в диссертации имеются следующие спорные положения.

1) В работе не проводится сопоставление института привлечения третьего лица к ответственности по чужому обязательству с известным и широко исследованным институтом так называемого «снятия корпоративной вуали», когда по обязательствам юридического лица перед кредиторами к ответственности привлекаются участники такого юридического лица. Представляется, что многие проблемы, о которых рассуждает

соискатель, уже нашли решение в данном инструменте, часто применяемом в области несостоятельности (банкротства), а также в иных случаях, установленных законом.

2) В диссертации автор проводит разграничение понятия «третье лицо» и «иные лица», однако в настоящее время понятие «третье лицо» имеет собственное значение в процессуальном праве. Представляется, что позиция автора в указанном терминологическом споре не отражает процессуальный аспект понятия третьего лица.
3) В диссертации не удалось найти ответа на вопрос о месте залогодателя, не являющегося должником в обязательстве должника и кредитора. Представляется, что подобная конструкция является достаточно распространенной на практике, и следовало бы определить возможности влияния третьего лица на обязательство, обеспеченное залогом его имуществом. Например, умышленное уничтожение залогодателем своего имущества, заложенного по чужому обязательству, может привести к возникновению у кредитора прав по отношению к должнику (например, досрочного исполнения обязательства), что может привести к сложностям, вплоть до несостоятельности. Из работы осталось неясным, стоит ли рассматривать это в качестве негативного или позитивного влияния на обязательство.
4) В работе исследована проблема согласия третьего лица на совершение сделки, однако в теории и на практике существует проблема, связанная с отзывом данного согласия. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 предполагает возможность в любой момент отозвать выданное лицом согласие, встает вопрос о том, как распределять негативные последствия такого «правомерного» отзыва согласия, особенно учитывая, что лицо, дающее согласие и внезапно отзывающее его может действовать недобросовестно.

Несмотря на изложенные спорные моменты, диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки, изложены новые решения и разработки, имеющие существенное значение для развития науки гражданского права и правоприменительной практики. Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, а также свидетельствует о личном научном вкладе автора диссертации. В диссертации нет некорректных заимствований. Все цитаты сопровождаются ссылками на источники заимствования. В диссертации

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом им. М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки (юрид. науки)», а также критериям, определенным пп. 2.1 – 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом соискатель Мухаметгалиев Денис Маратович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – «Частно-правовые (цивилистические) науки (юрид. науки)».

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук,профессор кафедры гражданского права, ректор,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Кулаков Владимир Викторович [redacted]

Дата: 23 НОЯ 2022

Контактные данные:

Тел.: +7 (495) 332-51-17, e-mail: evv@rsuj.ru.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Адрес места работы:

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Тел.: +7 (495) 332-55-55; e-mail: evv@rsuj.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
Заместитель начальника
Управления кадров

[redacted]